

Это был замечательный осенний день, когда сама природа дарит надежду на возрождение и перевоплощение.

Я шел по раннему утру до станции, рассекая плотный туман и думая, что все же как хорошо после институтских занятий повеселиться с друзьями, а более всего опять встретиться с Татьяной.

Пребывая в восторженном состоянии и ускоряя шаг навстречу новым романтическим впечатлениям, я практически столкнулся с рылом здоровенного борова, невесть откуда взявшегося в подмосковном дачном поселке. «Ничего необычного», — мелькнуло в голове, и боров опять растворился в тумане. В бабушкином соннике

свинья — к успеху и богатству, верилось с трудом, скорее всего, опять будет какая-то незадача. Настроение стало входить в привычное состояние студента третьего курса, когда хочется многое, а возможностей нет, и ты это осознаешь, но сделать ничего не можешь. Не прошло и нескольких минут, как из тумана материализовалась плоть, даже отдаленно не напоминая бывшего интеллигентного человека.

— Слышь, парень, где я? — Его голос хрипел, выражая все страдание и боль после вчерашнего веселья.

— Свинью ищите? — спросил я, чтобы увязать как-то две неожиданные встречи.

— Ты чего, сдурел совсем, какую свинью, где я?

— В Валентиновке.

— Какой еще Валентиновке? В Мытищах, что ли?

— До Мытищ километров пять, а может, и больше.

— Вот, мать, а от Фрязино далеко будет?

— Минут сорок на велосипеде ехать.

— Да блин, где я велосипед возьму? Ты хоть рукой покажи. — И, не дожидаясь ответа, скрылся вслед за боровом.

До станции больше ничего необычного не происходило, только когда я проходил через поле в тумане в сторону Болшево, мерещились контуры высотных панельных домов, которые не могли быть видны, но появились многие годы спустя, однако годы пролетели очень быстро. Эти силуэты до-

мов изменяющегося пейзажа наводили печаль от уходящего времени детства и юности, но ожидание нового, интересного, неожиданных встреч и дальних поездок гнало серые картины.

Стал виден старый раскидистый дуб на участке местного водопроводчика, значит, скоро дойду и до станции. Постоянно, проходя мимо этого дуба, пытался представить его гордо стоящим среди бескрайних полей и влюбленных, прячущихся под ним от дождя, но картина сбивалась, фантазии упирались в рядом стоящий сарай и образцовый забор из штакетника.

Вот и фельдшерский пункт в покосившемся убогом деревянном строении, которое нельзя назвать домом, сарай рядом с дубом выглядит куда как внушительней. Всегда думал: как можно оказывать помощь больным, если лечение показано самому медицинскому учреждению?

Раздался звонкий лай, наши друзья, стая условно бездомных собак, охранявших вечно закрытый магазин хозяев... Впрочем, иногда там все же удавалось купить фитили для керосиновой лампы. Ввиду раннего утра собаки особой активности не проявляли и, нарушая заведенную традицию, не стали сопровождать до деревянного настила через железнодорожные пути.

На бетонной платформе, покрытой крошившимся асфальтом, было пустынно, только в конце был виден силуэт, что его гнало в Москву в этот субботний день, так и осталось загадкой. Окошко кассы открылось не сразу, очевидно, кассир дремал в ранний час. Получив мой мятый рубль, в ответ выплюнул салатный билет до Москвы и горсть

мелочи. Пересчитав ее, убедился, что копеек не хватает, пришлось опять обращаться в кассу, откуда без спору вылетело недостающее.

Закончив с билетом, в ожидании электрички сосредоточился на оборванных рукописных объявлениях, самым интересным из которых была продажа четверти щитового дома с участком 5 соток, будущему владельцу давали для проживания комнату 15 метров, летнюю веранду, 125 квадратных метров земли для обработки — маловато будет, и еще не перечисленный сельхозинвентарь, также искала нового хозяина циркулярная пила, не очень б/у. Дальше читать было неинтересно, тем более что не так давно на конечной круговой трамвайной остановке метро «Университет» неизвестная бабка увещевала не глазеть на чужую писанину и жить своим умом.

Я прошел по платформе мимо ржавых металлических плакатов, призывающих не перебегать пути перед близко идущим поездом и не лазать под платформами... Наконец, рассекая воздух, появился поезд, прерывистыми гудками и безжалостным скрипом электропневматических тормозов нарушая тишину утра. Автоматические двери открылись, приглашая проследовать внутрь вагона, где я относительно удобно устроился на деревянной скамье у окна и прижался лбом к холодному запотевшему стеклу. Мимо уже проплывало Болшево, известное с XVI века как торговое поселение на пути из Московского княжества во Владимирское и отданное в 1776 году князем Петром Ивановичем Одоевским на

нужды убежища для бедных, но более всего знакомое по ссылке Марины Цветаевой, которая не очень эту местность жаловала.

С Татьяной я познакомился прошедшим летом на практике в Прибалтике. Возможно, мне бы удалось добиться большего, если бы не вмешательство моего нового друга будущего географа Алексея. Мы с Таней завтракали в таллинском кафе и приятно беседовали, когда он вторгся и предложил попить пива, полагая это хорошим продолжением утра. Соблазненный рассказом о замечательном пиве и подвальном интерьере лучшего эстонского пивного заведения начала 80-х, я согласился, Татьяна вежливо отказалась. На улице нас уже ждала компания разночинных парней, одетых в джинсу, на фоне которых я смотрелся довольно блекло. У входа в пивной ресторан пришлось изрядно потолкаться, пиво, даже на мой неискушенный вкус, было жидковато, но атмосфера старины и западный стиль обслуживания располагали к общению. Разгорелась жаркая дискуссия, суть которой сводилась к нескольким постулатам: «Эстония — не СССР», «Таллин — Европа», «живут же капиталисты», «нужно что-то заказать поесть», «а после пива обязательно где-то выпить водки». Стало понятно, что в романтических отношениях образовывался технологический перерыв. Одновременно проявились родимые пятна социализма на буржуазной Эстонии. Кельнер с невозмутимым видом очень изысканно сообщил, что сегодня рыбный день и из закусок только жареная скумбрия. Я было хотел отказаться, сославшись

на завтрак, но Леша был неумолим: «Кушай, Саня, кто знает, когда в следующий раз поедим». Проявив в очередной раз слабоволие, я стал давиться безвкусной окунеобразной. Тем не менее мой друг был прав, и следующие двое суток прошли под знаком пьянства водкой на голодный желудок. Из еды помню только нарезанную на ломти буханку черного хлеба и грубо вспоротую банку рыбных консервов в томате, возможно, той же самой скумбрии, которая в этот раз мне показалась необыкновенно вкусной.

— Эй, парень! — Кто-то интенсивно тряс меня за плечо. — Это тебе не спальный вагон. Мамаше место уступи!

Я открыл глаза, передо мной стояла родная сестра бабули с «Университета», может, и сама она.

— О любви замечтался, — по-доброму сказала мамаша.

Замечание вызвало оживление в вагоне, набитом пассажирами под завязку в Мытищах.

— Вишь, умные стали, книжки читают, мы в их время в тамбуре папиросы курили да от кондуктора бегали.

— Танцуют до ночи на дискотеках, пьют, а потом целый день как вареные ходят.

— Чая пьешь — орел летаешь, водка пьешь — земля лежишь, — подытожил в тему представитель Средней Азии.

Вагон гудел до самой Москвы, ругая партийную власть, отсутствие в магазинах достаточного количества товаров широкого потребления, очереди и бездуховность молодежи.

К Москве граждане утихомирились, и людской поток вынес меня из вагона на перрон и без остановки на вокзальную площадь прямо к стихийному цветочному базару, вернее, ряду

опрятных бабушек с осенними цветами. Этот ряд существовал десятилетиями, что не отражалось ни на внешнем виде продавщиц, ни на их возрасте и тем более ассортименте. Железнодорожная администрация и районный исполком вместе с примкнувшими к ним милиционерами пытались прекратить стихийную торговлю, но единственное, что им удавалось, — так это оттеснить ряд ближе к площади трех вокзалов, но и то на непродолжительное время. Ряд все же был повержен всеразрушающей силой свободного рынка и цветочными киосками, появившимися в 90-х, с однообразной привозной продукцией блеклого вида.

Нельзя сказать, что в начале 80-х ряд блистал изобилием, но все сентябрьско-дачные цветы были представлены: гладиолусы, хризантемы, астры, георгины, а также другие мелкие цветочки, названия которых я узнал только сейчас: гелениум осенний, рудбекия волосистая, цинния изящная. Знал бы, как благородно они называются, покупал бы их чаще. Были даже флоксы, которые обычно относят к летним цветам, хотя цветут они дважды — в июне и осенью, правда, необильно, но вплоть до октября.

— Милой, давай ко мне, у меня цветы самые свежие, час назад срезала.

— Смотри, какие красивые астры, недорого.

— Парень, иди, на любовь букет соберу. — Последнее предложение понравилось больше.

Темноволосая очень приятная женщина, совсем нестарая, больше похожая на музейного работника, на выбор предложила нежно-розовые высочен-

ные гладиолусы и огромные иссиня-сиреневые георгины с белым кантом на лепестках. От гладиолусов из-за их размера пришлось отказаться, так как предстояла еще покупка подарка, что в условиях дефицита подразумевало неопределенное число поездок на общественном транспорте с риском для сохранности цветов. Поэтому для получения букета к георгинам добрая кудесница прибавила веточку подмосковного аспарагуса и пожелала удачи, потом, немного подумав, добавила счастье, но все равно забыла о любви.

Оставалось купить подарок. Подошли бы духи, но французские были недостижимой редкостью и не для студенческой стипендии, пусть даже повышенной. Имевшаяся всегда в продаже стойкая, чувственно-томная «Красная Москва» фабрики «Новая Заря» совершенно не соответствовала возвышенному тонкому романскому образу. «Ландыш», тогда еще без приставки «серебристый», казался простоватым, можно было бы попробовать купить популярную латышскую «Юрмалу», производимую почти заграничной прибалтийской «Дзинтарис», но сразу же возникала печальная картина встречи с Татьяной на пляже Пирита под Таллином, когда после двухсуточного расставания и марафона с будущими педагогами не мог связать и двух слов. Даже случайно увидевший меня чуть раньше в парке однокурсник Серж, происходивший из этих ганзейских мест и не отличавшийся особой строгостью, с удивлением смог только спросить: «Это ты?»

В традиционном выборе «конфеты — книга» победи-

ло знание. Большой выбор красивых коробок конфет был в гастрономе в сталинской высотке на площади Восстания, но очередь часа на два, плюс дорога к имениннице на Ярославское шоссе, туда-сюда, подсчеты давали результат, что даже если конфеты удастся купить, то вид цветов будет нетоварный. Определилась и логистика. Спускаться в метро не решился, так как смешение людских потоков на входе на Комсомольскую и их дальнейшее разделение на кольцевую и радиальную линии не давали ни малейшего шанса на сохранение не то что цветов, но и собственного вида. Это место было как гигантский миксер, перемешивавший и давивший горожан, отчаянно бившихся за целостность своих носильных вещей, и пассажиров поездов дальнего следования с их громоздкими чемоданами и кулями. В этой давке в недалеком детстве было потеряно чрезвычайно ценное содержимое моего маленького чемоданчика, которым я очень гордился.

Так как стройка Новокировского проспекта, впоследствии академика Сахарова, с комплексом банковских зданий еще не была закончена, пошел в обход, свернув на Каланчевку, а затем нырнул в переулки. Немного поплутав, вышел к Садовому кольцу, с тревогой наблюдая, как постепенно распускаются, набирают силы и без того здоровенные цветы георгинов. В первый троллейбус сесть не удалось, со вторым задалось, но традиционных фраз «Куда прешь с веником» и соответствующих пожеланий счастья избежать по пути следования к Маяковке не удалось.

Неблизкий путь до книжного магазина «Москва» вниз по улице Горького, сейчас бы сказали, вдоль по Тверской, с цветами на вытянутой руке, как в торжественном карауле, закончился новым разочарованием. Подходящих для подарка книг не было, причем не было уже давно. Понравился альбом «Искусство Белоруссии XVI—XIX веков», приличные книги были на испанском языке, но ничего для сегодняшнего случая. Не особо надеясь на удачу, вернулся немного назад и, перейдя по подземному переходу, заглянул в магазин «Дружба», где продавались издания на языках братских восточных, южных и западных славян, в том числе и на сербскохорватском, который я изучал в институте, ныне разделенном на сербский, хорватский и боснийский в соответствии с состоявшим кровавым государственным делением некогда единой Югославии, самой западной и независимой из стран социализма.

Там на витрине с удивлением увидел альбом Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на французском языке ленинградского издательства «Аврора». Конец поискам, страданиям и разочарованиям. *Vive la Vie, Vive la République et Vive la France!* Да здравствует жизнь, да здравствует республика, да здравствует Франция!

Теперь уже ничего дальше не могло испортить моего настроения: ни переполненный вагон метро, ни давка на эскалаторе на ВДНХ, ни тряска в раздолбанном автобусе вдоль всего Ярославского шоссе.

Только, поднимаясь в лифте панельного дома, я вдруг подумал: а кто же еще будет на дне рождения, не один же я?

В дверь звонить не пришлось: на лестничной клетке с сигаретой стоял Леша-географ, произнесший ровным голосом: «Ну, ты припозднился, мы уже потихоньку накатываем, присоединяйся».

В прихожей встретила Татьяна, которая с благодарностью приняла цветы и книгу и пригласила в гостиную, в которой было тесно от гостей, а за обильным столом сидела вся та же компания, с которой я провел незабываемые, но все же тяжелые дни и ночи. Замаячила возможность повторения летнего провала. Я едва протиснулся к столу и сел между Лешей и Эриком, которые впоследствии весь вечер соревновались в проявлении духа противоречия в соответствии с разделением элейской школы «по истине» и по «мнению», которое педагоги отождествляют с непослушанием.

Мне как опоздавшему полагался тост, чем воспользовался Алексей, полагавший, что собравшиеся слишком много болтают, особенно мой сосед слева Эрик, и мало пьют, что не дает разгореться истинному веселью и превращают день рождения в банальные посиделки. Поэтому не успел я устроиться, как Алексей стал меня выпихивать из-за стола:

— Давай, Саня, говори. Как там дела на международном и личном фронте? — И обращаясь уже к остальным: — Что сидите скучные, наполняйте стаканы, то есть бокалы, день

рождения отмечаем, не каждый день праздник.

Эрик незамедлительно парировал:

— Что к человеку пристал, пусть осмотрится, с мыслями соберется, покушает.

— Что сидеть, как на день пачали, так одну бутылку будем до вечера цедить.

Пришлось встать. Конечно, хотелось сказать, что из-за этой компании и моей личной безвольности было потеряно целое лето, и вот теперь, когда все опять налаживается и есть еще время, чтобы пройти вдвоем по пустынному парку, благодаря Леше день рождения рискует превратиться банальную пьянку. Тем не менее сдержался.

— Татьяна! Друзья!

— Дорогие товарищи, — в стиле Леонида Ильича продолжил Леша, он явно скучал.

— Дай сказать, — одернул его Эрик.

— Как хорошо... — Я сделал вторую попытку.

— Как здорово, что мы здесь сегодня собрались, — закончил Леша. — Таня, за тебя. — И, не желая больше ждать, залпом выпил рюмку водки.

Компания зашумела, ожилилась и присоединилась к тосту. Я по-тихому присел и тоже со всеми выпил.

Образовалась пауза, которую Татьяна поспешила заполнить:

— Мне Александр подарил замечательный альбом Пушкинского музея, мои любимые импрессионисты.

Алексей опять оживился:

— Это большевики купца Щукина обнесли, прибрали его коллекцию, хорошо хоть сам успел убежать в Париж.

Настала очередь Эрика защищать советскую власть:

— Во-первых, сделано это было по закону, декретом нового правительств.

— Ну-ну, вернули присвоенный прибавочный продукт.

— Во-вторых, вопрос, кто эту коллекцию сохранил и кто дочь его Екатерину назначил хранительницей музея после национализации в 1918 году?

— Ну и что, после войны в 1948 году, когда шла борьба с безродными космополитами, и все хотели коллекцию извести, — не унимался Леша.

— Тем не менее не извели, а просто поделили между Эрмитажем и Пушкинским музеем. Потом, не всем это искусство было понятно, сам Сергей Иванович долго к новой живописи привыкал, вспоминали, что сначала вешал картины в прихожей, присматривался.

— Из всех искусств для нас важнейшим является кино, — процитировал В. И. Ленина Алексей, стараясь во чтобы то ни стало одержать победу в споре.

— Вы, Алексей Павлович, тут ленинскими цитатами не прикрываетесь, — вступил в диспут Карен. — Сами еще минуту назад пытались бросить тень на социализм.

— Это я-то пытался? Наш социализм тени не отбрасывает.

— Леш, ты как Пантелеймон Грымзин¹, всем недоволен. Смотри, хорошо сидим, стол ломится: ветчина, шпроты, водка, сервелат, сыр, вино, салатки, икра, горячее... Чем плох социализм?

— Социализм во Франции, Швеции, а у нас социализм не простой, а развитой.

Татьяна опять стала спасать праздник:

— Мальчишки, мы скучаем, давайте слушать музыку.

— Нам, товарищи, этих Шубертов-Мубертов не нужно, а ты нам давай это самое наше, настоящее, пролетарское! — зло процитировал Леша лекцию Никандрома Хлапова на собрании Колпинской комячейки.

Карен встал и торжественно объявил:

— По многочисленным просьбам трудящихся Welcome to the Hotel California.

Часть гостей встала и пошла курить, девочки ушли танцевать, но наиболее упорные остались пить водку и продолжили диспут.

— Не знаю насчет социализма, но проблем с религией во Франции действительно нет. В десятом класс ездили в Париж по школьному обмену. В субботу все чинно, храмы открыты, мужчины в кипах, к ним уважительно.

— Карен, ты, небось, в шестнадцатом аррондисмане жил?

— Ну да, где посольство СССР.

— А ты в следующий раз просись в Сен-Дени, задаст еще вам жару поднимающийся восток, — явно зло сказал Эрик.

— А ты, часом, корнями не из хазар будешь? — встрял в разговор Леша. — То-то я смотрю, ты все закуски на предмет кошерности изучаешь. Внище зачем тогда хлещешь?

— Я приверженец нового течения, пока наши народы не объединены, мы находимся в поиске, в пути, а путнику не возбраняется.

— Эй, ты, разделенный народ, водку будешь? — Дискуссия перешла в практическую плоскость.

¹Персонаж Аркадия Аверченко в сборнике «Дюжина ножей в спину революции».

— Давай, а чего ты мне ветчину тычешь, икорку пододвинь.

— Ты бойбейся, ее свинья мечет.

Чтобы избежать дальнейших возлияний, я встал из-за стола и пошел на звуки музыки в надежде потанцевать с Татьяной.

В полутемной комнате стоял незнакомый мне парень с незажженной сигаретой в руке и смотрел на горевшую одинокую свечу.

Заметив меня, он радостно воскликнул:

— О, ты то-то мне и нужен, рубль есть?

Пытаясь понять, зачем ему нужен рубль, в свою очередь спросил:

— А девчонки где?

— Ушли на кухню болтать. Рубль есть? Хочу закурить, а от свечи как-то нехорошо, дурная примета.

— Нет, только трешка.

— Трешку жалко. А я краем уха слышал, что ты в МГИМО учишься на дипломата.

— Нет, на внешторговца.

— Значит, коллеги, только я по внутренней части. Знаешь, в чем отличие вас от нас?

— Нет, еще не освоил.

— Так запоминай. Работник внешней торговли сначала далеко едет, а потом хорошо живет, а внутренней — сна-

чала хорошо живет, а потом далеко едет. Да ты не переживай, я бармен, тоже в Инязе учился, но как женился, сил не было без денег сидеть. Я мог бы еще больше зарабатывать на Ленинградском вокзале носильщиком, но как-то тупо целый день толкать тележку. Потом бабка узнает, запричитает: внук маршала... и пошло- поехало. А сейчас у меня работа творческая, много знать нужно: рецепты разные, тонкости. Я на одном кофе могу десятку в день зарабатывать. Опять же к каждому клиенту свой подход, чтобы отблагодарил пощедрее. Истрий масса. Слышь, а ты в клумбе когда-нибудь ночевал?

— В клубе? Было дело, на зимних каникулах в Александровке...

— В клубе, что за диво. В клумбе. Однажды хорошо банкет обслужили, конька, водки, вина немерено осталось, немного посидели с метрами, перебрали, как полагается, возвращаться домой не стал, и так накануне скандал был. Решил на дедовой даче переночевать, из калитки напрямик пошел, так на клумбе запнулся, упал, заснул спьяну, просыпаюсь в цветах. Хорошо хоть лето было. Вот умора...

Увидев недопитую рюмку водки на письменном столе, спросил: «Будешь?» и, не дожидаясь ответа, выпил сам.

— Ладно, пойду за зажигалкой. Подумай, может, не стоит ждать?

Я остался один и в растерянности стал смотреть в окно, наблюдая, как в многоэтажных домах напротив зажигаются окна. Зазвучали первые аккорды «Калифорнии», в этот момент почувствовал, что кто-то стоит за спиной. Обернувшись, увидел симпатичную девушку с большими серыми глазами и русыми волосами, подружку Татьяны, которую отметил еще за праздничным столом.

— Пойдемте танцевать, — предложила она очень приятным низким голосом.

Я обнял ее, и мы поплыли в ритме куда-то в чудесное место, как и в песне «Иглз», навстречу неожиданностям.

— Как вас зовут? — спросил я, чтобы заполнить затянувшуюся паузу.

— Лена, — неслышно ответила она.

Я обнял ее крепче, и через минуты наши губы сомкнулись в глубоком поцелуе.

Валентиновка — Москва III — Париж — Ульгат

1981–2017 годы

